

Денисенко Кристина

Старушка

-17°C. Несколько дней подряд стояли морозы.

В тот злополучный вечер шёл мелкий искристый снег. На остановке толпились желающие как можно скорее подняться в автобус, чтобы спрятаться от пронизывающего ветра. Было темно, не смотря на тусклый свет оранжевых фонарей.

Одни на работу, другие домой. Молодежь, что зимой и летом не расставалась с наушниками, никого и ничего вокруг себя не видела. Каждый заиклен на своём.

Опоздавший автобус наполнился за считанные секунды. Водитель поспешно протискивался среди пассажиров, собирая оплату за проезд. У задней двери, крепко уцепившись за вертикальную перекладину, остановилась молодая женщина в длинной шубе. Анжела. Она смотрела на недовольные лица тех, кто продолжал мерзнуть на улице. Приподнятые воротники, меховые шапки.

Водитель сел за руль. Автобус качнулся. Он только тронулся, как кто-то постучал в боковое стекло и умоляющим сдавленным голосом попросил: «Открой, сыночек».

Задняя дверь со скрипом сжалась и отъехала в сторону. На ступеньку ступила сухенькая ножка в цветастом тапочке. «В тапочках и в такую холодину», — подумала Анжела, ещё не заметив самого печального.

Заплаканная седовласая старушка шмыгала посиневшим носом. Её глаза светились как два стеклянных шара. Расширенные зрачки, бледно-серая радужка и мутное-мутное глазное яблоко. Ни ресниц, ни бровей, как таковых не было. Отчетливо прорисовывались лишь глубокие и густые морщины по

всему лицу. Опущенные уголки тонких посиневших губ словно застыли, а волосы все ещё трепал настырный ветер.

Дрожащая рука протянула горсть монет, и в этот момент пара человек всё-таки ахнула от жалости. Или от беспокойства. А может просто от любопытства. Старушка вышла (или выскочила) из дому (а может, и дома у неё нет), одевшись не по погоде. Вечное платье послевоенной моды, шерстяная вязаная кофта, ещё советские коричневые колготы с отвисающими коленками... ну и тапочки. Голая душа нараспашку.

— Бабулечка, что с вами? — Анжела сняла перчатки и горячей рукой сжала её ледяную ладонь.

— Дай Бог тебе, деточка, здоровья, — взмолилась несчастная.

— Ой, я не могу на вас смотреть. Наденьте скорее мои перчатки! Вот возьмите, — и протянула старушке.

Анжела разволновалась и обратилась к соседнему мужчине:

— Передайте за проезд, — высыпала в протянутую руку мелочь, — и подержите, пожалуйста, мою сумку, — а сама расстегнула верхнюю пуговицу и вытащила длинный пушистый шарф.

Она укутала старушку, как куклу, обняла и интенсивно растерла по сутулой спине, стараясь обогреть. Та, не переставая, шмыгала носом и рассыпалась в благодарностях.

Задняя площадка оживилась. Все косились в сторону двери. Посыпались вопросы: «Вы куда?», «Вам, что надеть нечего?», «Вы помните, как вас зовут?». Кто-то из молодёжи сказал: «Ещё шубу снимите, дура». Но ни старушка, ни Анжела этого будто не слышали.

— Я очень спешу. Чует сердце материнское, беда с моим старшеньким. Непутевый он. Весь в отца. Разбышака, — и залилась слезами.

— Успокойтесь, не надо так убиваться. Ведь ничего плохого не случилось. Правда?

— Не знаю. Глеб — это мой старшенький, позвонил мне. Плакал. Говорил, что истекает кровью. Опять с кем-то подрался. Просил денег, а между тем вспоминал, как с отцом ходил на рыбалку, как скворечник первый смастерил... — и опять заплакала.

Челюсть задрожала. Сама сухенькая, маленькая и такая беззащитная.

Автобус замолчал. Биения сердца Анжелы никто не услышал, но она сама еле сдерживалась, чтобы не разреветься как сентиментальная студентка.

— Сынок, останови на Привокзальной, — всё так же умоляюще попросила старушка. — Я уже приехала. Глеб тут неподалёку живёт, — оправдалась. — Спасибо тебе, доченька, — и потянула шарф вниз. — Возьми, я не замёрзну.

— Не вздумайте, — Анжела остановила её, — это даже не обсуждается. Позвольте сделать вам подарок.

Автобус остановился. Задняя дверь открылась, и старушка медленно преодолела две ступеньки, придерживая на груди тёплый шарф.

— Храни тебя Бог, — она перекрестилась и поклонилась низко.

Автобус поехал дальше. А старушка пошла навестить сына, и не предполагая, что ждёт её впереди.

— Ты чего припёрлась, старая? Вырядилась куда? Говоришь, пенсии не хватает, а сама прикупила себе шарф размером в простыню.

Старушка застыла на пороге с виноватым лицом:

— Хочешь, возьми его себе. Хочешь?

— Водки я хочу. Да с огурцом хрустящим. И сала с прорезью, и горбушку свежего хлеба.

Не тот уже Глеб. Не мальчик. Мать не обнимет крепко двумя руками, не поцелует, не скажет «мама». Высокий, широкоплечий, щетина недельная, под глазами мешки, синяк от самой брови и до подбородка, и перегаром разит за метр.

— Я думала, ты меня видеть хочешь.

— А ты не думай. А коли пришла, растопи печку. А то что-то ноги мёрзнут. Я дров нарубил, угля принёс.

Вошла старушка в его дом. Пустой. Не пахнет домом. Грязно. И мебель вроде бы современная, и ковры на полах, но не приложена рука хозяйская. Только разгильдяйская.

— Что же ты, Глебушка, делаешь? Разве этому мы с отцом тебя учили? Ты посмотри, в кого превратился.

Прищурился Глеб, клыки оголил да как зарычит на мать:

— Ты чего это, старая, разговорилась? Воспитывать меня вздумала? Не поздно ли? Где ты раньше была? С этим слабоумным сюсюкалась? А теперь что? На меня переключилась?

— Вы оба мои дети, я вас обоих люблю одинаково. И не называй Андрея слабоумным — он защитил докторскую диссертацию по физике.

Схватил Глеб родную мать за грудки и, что было мочи, оттолкнул от себя. Не успела она и испугаться, как после удара о дверной косяк, распласталась на полу. Тёмно-бордовая жидкость струилась по белым волосам и капала на подаренный шарф.

— Вставай! Нечего разлёживаться, — Глеб тронул мать за плечо, но она никак не отреагировала. — Ну же, скажи хоть слово. Мам...

Скупая слеза намочила ресницы.

— Сынок, — еле слышно прошептала старушка.

— Ты прости меня, мам. Я пьяный дурак. А ты у меня одна самая любимая на всём белом свете. Прости, что накричал, что толкнул. Я не хотел. Честно, мам, я не хотел.

— Я бежала к тебе по морозу, боялась не успеть. Мой маленький мальчик, я всё-таки успела. Ты как в детстве назвал меня мамой. Теперь и умирать не страшно.

— Поднимись, мама. Мама!

Арина Ивановна пришла в себя в больничной палате. Белый потолок. Два овальных плафона, одна лампочка. На стенах свежие обои. Пустые кровати. Никого нет. Голова туго перебинтована. Греет душу чужой шарф.

— Глебушка, — позвала она.

Вскоре из коридора донестись звуки приближающихся шагов. Открылась дверь, и медсестра, та самая Анжела из автобуса, вошла как белый ангел. Она присела на краешек кровати и поправила одеяло, улыбнувшись:

— Вы согрелись, бабушка?

— Деточка, это ты?! — она погладила шарф. — Да хранит тебя Бог! Есть ещё на Земле добрые люди.

— Отдыхайте, вам нужен покой.

— Деточка, а где мой сыночек? Это он меня привёз сюда?

— У него все хорошо, не волнуйтесь.

— Помоги мне, — Арина Ивановна коснулась шеи и, нащупав верёвочку, потянула.

Заблестел золотой крест и нанизанные обручальное кольцо и круглые серьги.

— Я хочу отблагодарить тебя за доброту, доченька. Возьми это золото себе. Младшенький мой ни в чём не нуждается, а старшенький всё равно пропьёт. Некому и оставить. А ты продай его, и...

Не успела старушка договорить.

Так и умерла, благодаря незнакомого человека за доброту, которой так и не дождалась за всю жизнь от своих родных детей.

На похоронах присутствовали только соседи. Все удивлялись, кто такая та женщина в шубе, и на какие деньги несчастную старушку несут на кладбище под звуки духового оркестра.